

1. Тексты для аналитического задания (комплексный анализ текста)

11 класс. Прозаическое произведение

В. Набоков

Тяжёлый дым

Когда зажглись, чуть ли не одним махом до самого Байришер Плац, висящие над улицей фонари, всё в неосвещённой комнате слегка сдвинулось со своих линий под влиянием уличных лучей, снявших первым делом копию с узора кисейной занавески. Уже часа три, за вычетом краткого промежутка ужина (краткого и совершенно безмолвного, благо отец и сестра были опять в ссоре и читали за столом), он так лежал на кушетке, длинный, плоский юноша в пенсне, поблёскивающим среди полумрака. Одурманенный хорошо знакомым ему томительным, протяжным чувством, он лежал, и смотрел, и прищуривался, и любая продольная черта, переключина, тень переключины, обращались в морской горизонт или в кайму далёкого берега. Как только глаз научился механизму этих метаморфоз, они стали происходить сами по себе, как продолжают за спиной чудотворца зря оживать камушки, и теперь, то в одном, то в другом месте комнатного космоса, складывалась вдруг и углублялась мнимая перспектива, графический мираж, обольстительный своей прозрачностью и пустынностью: полоса воды, скажем, и чёрный мыс с маленьким силуэтом араукарии.

Из глубины соседней гостиной, отделённой от его комнаты раздвижными дверьми (сквозь слепое, зыбкое стекло которых горел рассыпанный по зыби жёлтый блеск тамошней лампы, а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-тёмный прислон стула, ставимого так ввиду поползновения дверей медленно, с содроганиями, разъезжаться), слышался по временам невнятный, малословный разговор. Там (должно быть, на дальней оттоманке) сидела сестра со своим знакомым, и, судя по таинственным паузам, разрешавшимся, наконец, покашливанием или нежно-вопросительным смешком, они целовались. Были ещё звуки с улицы: завивался вверх, как лёгкий столб, шум автомобиля, венчаясь гудком на перекрёстке, или, наоборот, начиналось с гудка и проносилось с дребезжанием, в котором принимала посильное участие дрожь дверей.

И как сквозь медузу проходит свет воды и каждое её колебание, так всё проникало через него, и ощущение этой текучести преображалось в подобие ясновидения: лёжа плашмя на кушетке, относимой вбок течением теней, он вместе с тем сопутствовал далёким прохожим и воображал то панель у самых глаз, с дотошной отчётливостью, с какой видит её собака, то рисунок голых ветвей на не совсем ещё бескрасочном небе, то чередование витрин: куклу-парикмахера, анатомически не более развитую, чем дама червей; рамочный магазин с вересковыми пейзажами и неизбежной *Inconnue de la Seine** (столь популярной в Берлине) среди многочисленных портретов главы государства;

магазин ламп, где все они горят, и невольно спрашиваешь себя, какая же из них там своя, обиходная...

Он спохватился, лёжа мумией в темноте, что получается неловко: сестра, может быть, думает, что его нет дома. Но двинуться было невероятно трудно. Трудно, – ибо сейчас форма его существа совершенно лишилась отличительных примет и устойчивых границ; его рукой мог быть, например, переулочек по ту сторону дома, а позвоночником – хребтообразная туча через всё небо с холодком звёзд на востоке. Ни полосатая темнота в комнате, ни освещённое золотой зыбью ночное море, в которое преобразилось стекло дверей, не давали ему верного способа отмерить и отмежевать самого себя, и он только тогда отыскивал этот способ, когда проворным чувствилищем вдруг повернувшегося во рту языка (бросившегося как бы спросонья проверить, всё ли благополучно) нащупал инородную мягкость застрявшего в зубах говяжьего волоконца и заодно подумал, сколько уже раз в продолжение двадцатилетней жизни менялась эта невидимая, но осязаемая обстановка зубов, к которой язык привыкал, пока не выпадала пломба, оставляя за собой пропасть, которая со временем заполнялась вновь.

Понуждаемый не столько откровенной тишиной за дверьми, сколько желанием найти что-нибудь остренькое для подмоги одинокому слепому работнику, он, наконец, потянулся, приподнялся и, засветив лампу на столе, полностью восстановил свой телесный образ. Он увидел и ощутил себя (пенсне, чёрные усики, нечистая кожа на лбу) с тем омерзением, которое всегда испытывал, когда на минуту возвращался к себе и в себя из тёмного тумана, предвещавшего... что? Какой образ примет, наконец, мучительная сила, раздражающая душу? Откуда оно взялось, это растущее во мне? Мой день был такой как всегда, университет, библиотека, но по мокрой крыше трактира на краю пустыря, когда с поручением отца пришлось переть к Осиповым, стлался отяжелевший от сырости, сытый, сонный дым из трубы, не хотел подняться, не хотел отделиться от милого тлена, и тогда-то именно ёкнуло в груди, тогда-то...

На столе лоснилась клеёноччатая тетрадь, и рядом валялся, на пегом от клякс бюваре, бритвенный ножичек с каёмкой ржавчины вокруг отверстий. Кроме того лампа освещала английскую булавку. Он её разогнул и остриём, следуя несколько суетливым указаниям языка, извлёк волоконце, проглотил... лучше всяких яств... После чего язык, довольный, улёгся.

Вдруг, сквозь зыбкое стекло дверей, появилась, приложенная извне, русалочья рука; затем половины судорожно раздвинулись, и просунулась кудлатая голова сестры.

– Гришенька, – сказала она, – пожалуйста, будь ангел, достань папирос у папы.

Он ничего не ответил, и она совсем сузила яркие щели мохнатых глаз (очень плохо видела без своих роговых очков), стараясь рассмотреть, не спит ли он.

– Достань, Гришенька, – повторила она ещё просительнее, – ну, сделай это. Я не хочу к нему ходить после вчерашнего.

– Я может быть тоже не хочу, – сказал он. – Скоренько, – нежно произнесла сестра. – А, Гришенька?

– Хорошо, отстань, – сказал он наконец, и, бережно воссоединив дверные половины, она растворилась в стекле.

Он опять подвинулся к освещённому столу, с надеждой вспомнив, что куда-то засунул забытую однажды приятелем коробочку папирос. Теперь уже не видно было блестящей булавки, а клеёнчатая тетрадь лежала иначе, полуоткрывшись (как человек меняет положение во сне). Кажется – между книгами. Полки тянулись сразу над столом, свет лампы добирался до корешков. Тут был и случайный хлам (больше всего), и учебники по политической экономии (я хотел совсем другое, но отец настоял на своём); были и любимые, в разное время потрафившие душе, книги, «Шатёр» и «Сестра моя жизнь», «Вечер у Клэр» и «*Val du comte d'Orgel*»**), «Защита Лужина» и «Двенадцать стульев», Гофман и Гёльдерлин, Боратынский и старый русский Бэдекер. Он почувствовал, уже не первый, – нежный, таинственный толчок в душе и замер, прислушиваясь – не повторится ли? Душа была напряжена до крайности, мысли затмевались, и, придя в себя, он не сразу вспомнил, почему стоит у стола и трогает книги. Бело-синяя картонная коробочка, засунутая между Зомбартом и Достоевским, оказалась пустой. По-видимому, не отвертеться. Была, впрочем, ещё одна возможность.

Вяло и почти беззвучно волоча ноги в ветхих ночных туфлях и неподтянутых штанах, он из своей комнаты переместился в прихожую и там нащупал свет. На подзеркальнике, около щёгольской бежевой кепки гостя, остался мягкий, мятый кусок бумаги; оболочка освобождённых роз. Он пошарил в пальто отца, проникая брезгливыми пальцами в бесчувственный мир чужого кармана, но не нашёл в нём тех запасных папирос, которые надеялся добыть, зная тяжеловатую отцовскую предусмотрительность. Ничего не поделаешь, надо к нему...

Но тут, то есть в каком-то неопределённом месте сомнамбулического его маршрута, он снова попал в полосу тумана, и на этот раз возобновившиеся толчки в душе были так властны, а главное, настолько живее всех внешних восприятий, что он не тотчас и не вполне признал собою, своим пределом и обликом, сутуловатого юношу с бледной небритой щекой и красным ухом, бесшумно проплывшего в зеркале. Догнав себя, он вошёл в столовую.

Там, у стола, накрытого давно опочившей прислугой к вечернему чаю, сидел отец и, одним пальцем шурша в чёрной с проседью бороде, а в пальцах другой руки держа на отлёте за упругие зажимчики пенснэ, изучал большой, рвущийся на сгибах, план Берлина. На днях произошёл страстный, русского порядка, спор у знакомых о том, как ближе пройти от такой-то до такой-то улицы, по которым, впрочем, никто из споривших никогда не хаживал, и теперь, судя по удивлённо недовольному выражению на склонённом лице

отца, с двумя розовыми восьмёрками по бокам носа, выяснилось, что он был тогда неправ.

– Что тебе? – спросил он, вскинув глаза на сына (может быть, с тайной надеждой, что я сяду, сниму попону с чайника, налью себе, ему). – Папирос? – продолжал он тем же вопросительным тоном, уловив направление взгляда сына, который было зашёл за его спину, чтобы достать коробку, стоявшую около его прибора, но отец уже передавал её слева направо, так что случилась заминка.

– Он ушёл? – задал он третий вопрос. – Нет, – сказал сын, забрав горсть шелковистых папирос.

Выходя из столовой, он ещё заметил, как отец всем корпусом повернулся на стуле к стенным часам с таким видом, будто они сказали что-то, а потом начал поворачиваться обратно, но тут дверь закрылась, я не досмотрел. Я не досмотрел, мне не до этого, но и это, и давешние морские дали, и маленькое горящее лицо сестры, и невнятный гул круглой, прозрачной ночи, всё, по-видимому, помогало образоваться тому, что сейчас наконец определилось. Страшно ясно, словно душа озарилась бесшумным взрывом, мелькнуло будущее воспоминание, мелькнула мысль, что точно так же, как теперь иногда вспоминается манера покойной матери при слишком громких за столом ссорах делать плачущее лицо и хвататься за висок, вспоминать придётся когда-нибудь, с беспощадной, непоправимой остротой, обиженные плечи отца, сидящего за рваной картой, мрачного, в тёплой домашней куртке, обсыпанной пеплом и перхотью; и всё это животворно смешалось с сегодняшним впечатлением от синего дыма, льнувшего к жёлтым листьям на мокрой крыше.

Промеж дверей, невидимые, жадные пальцы отняли у него то, что он держал, и вот снова он лежал на кушетке, но уже не было прежнего томления. Громадная, живая, вытягивалась и загибалась стихотворная строка; на повороте сладко и жарко зажигалась рифма, и тогда появлялась, как на стене, когда поднимаешься по лестнице со свечой, подвижная тень дальнейших строк.

Пьяные от итальянской музыки аллитераций, от желания жить, от нового соблазна старых слов – «хлад», «брег», «ветр», – ничтожные, бранные стихи, которые к сроку появления следующих неизбежно зачахнут, как зачахли одни за другими все прежние, записанные в чёрную тетрадь; но всё равно: сейчас я верю восхитительным обещаниям ещё не застывшего, ещё вращающегося стиха, лицо мокро от слёз, душа разрывается от счастья, и я знаю, что это счастье – лучшее, что есть на земле.

1934 или 1935

*Незнакомкой из Сены (франц.).

**"Бал графа д'Оржеля" (франц.).

11 класс. Поэтическое произведение

Г. Адамович

Когда мы в Россию вернёмся... о Гамлет восточный, когда? –
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредём...

Больница. Когда мы в Россию... колышется счастье в бреду,
Как будто «Коль славен» играют в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле
Колышатся тонкие свечи в морозном и спящем Кремле.

Когда мы... довольно, довольно. Он болен, измучен и наг,
Над нами трёхцветным позором полощется нищенский флаг,

И слишком здесь пахнет эфиром, и душно, и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернёмся... но снегом её замело.

Пора собираться. Светает. Пора бы и трогаться в путь.
Две медных монеты на веки. Скрещённые руки на грудь.

2. Творческое задание

11 класс

Напишите связный текст литературоведческого, историко-литературного, научного либо научно-популярного характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов/словосочетаний (даны в алфавитном порядке, разделены запятыми):

«А ниточки-то гнилые...», «В Москву! В Москву!», драматическая интрига, Московский художественный театр (МХТ), подводное течение, праведная земля, ремарки, символика, философский диалог, Хитров рынок.

Приступая к работе, сначала придумайте и кратко письменно объясните, где и как мог бы быть использован этот текст (статья в журнал или энциклопедию, параграф учебника, доклад на конференции, фрагмент лекции и др.). Старайтесь выбрать стиль текста в соответствии с задуманным жанром и условным адресатом. Помните, что ваша задача – включить предложенные слова в некий общий «сюжет», через который были бы видны литературная эпоха, или литературное произведение в его связи с другими произведениями, или автор и его творчество в широком контексте, или литературоведческая проблема в многообразии ее толкований. Закончив работу, подчеркните в тексте использованные вами слова и словосочетания из приведённого списка.